

РИСКИ ВЗРОСЛЕНИЯ¹

Т. ХАГУРОВ

Характерная черта социальной действительности последних десятилетий — увеличение масштабов и форм разнообразных девиаций на всех уровнях: социально-институциональном, социально-психологическом, лично-психологическом. Социальная фактография, подтверждающая этот тезис, огромна, поэтому приведём лишь несколько цифр.

Девиации в сфере межполовых отношений: к 11-му классу опыт сексуальных отношений имеют 35,6% девушек и 55,4% юношей. С 1989 г. доля внебрачных рождений более чем удвоилась — с 14 до 30%. При этом у матерей до 20 лет она ещё выше — 45%. Как следствие, с начала 1990-х гг. Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню аборт (более 1 млн в год)².

Уровень душевого употребления алкоголя в России один из самых высоких в мире и составляет 18 л.а.а. (абсолютного алкоголя) в год на человека (согласно определению ВОЗ опасным для здоровья является уровень 8 л.а.а. в год)³. По данным Генпрокуратуры, в стране 178 тыс. детей-алкоголиков, пик массового приобщения к алкоголю сместился из возрастной группы 16–17 лет в группу 13–15-летних, а возраст первой пробы — к 10–12 годам. Показатели женской алкоголизации выросли в четыре раза за последние 10 лет. Сегодня только на официальном учёте состоит 418 тыс. алкоголичек, по экспертным оценкам, их в 10 раз больше⁴.

По оценкам экспертов, Россия находится на одном из первых мест в мире по уровню самоубийств среди подростков — средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в три раза превышает средний показатель в мире⁵.

На фоне социальной аномии широчайшее распространение приобретает преступность среди российской молодёжи. С 1990 по 2000 г. состав лиц, совершивших преступления, увеличился почти в два раза (с 897,3 тыс. до 1741,4 тыс. человек), а в возрастной группе 18–24-летних в 2,5 раза (с 189,5 тыс. до 465,4 тыс. человек)⁶.

Статистика убийств: по сравнению с советским периодом число убийств возросло более чем в пять раз и, несмотря на относительный спад в конце в 2000-х гг., сейчас вновь имеет тенденцию к увеличению, в 2010 г. этот показатель составил 27 чел. на 100 тыс.⁷.

Фактически мы наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и социальных регуляторов вообще. Ключевые агенты и инструменты социального контроля утрачивают способность к социальной регуляции. Семья и школа перестают воспитывать, юстиция и право — сдерживать, правоохранительные структуры — пресекать, культурные институты — и это, на наш взгляд, главное — транслировать обществу подлинные, способствующие достижению целей социальной солидарности и развития, смыслы и ценности.

¹ Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам при Президенте РФ (проект МД — 3625.2012.6).

² «Проблемы духовно-нравственного состояния общества и подрастающего поколения» / Милосердие. ru — Православный портал о благотворительности и социальной деятельности // <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=20&s=24&id=10259>

³ Позднякова М.Е. Алкоголизация населения как фактор дестабилизации Российского общества // Феноменология и профилактика девиантного поведения / материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции 28–29 октября 2010. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 36.

⁴ Позднякова М.Е. К проблеме алкогольного поведения населения России // Феноменология и профилактика девиантного поведения / материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции 29–30 окт. 2009 г. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2009. С. 197.

15

Концепции
и системы
[21 – 38]

⁵ Портал РИА-Новости
<http://ria.ru/spravka/20120220/570313334.html>

⁶ Российский статистический ежегодник 2001: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 274.

⁷ Статистика: Краткий анализ состояния преступности. http://buzuluk-news.ucoz.ru/news/statistika_ubijstv_prestuplenij_v_rossii_za_2010_god/2010-12-09-506

⁸ Хагуров Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения / материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции 28–29 октября 2010. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 40–44.

⁹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003.

Сегодня в обществе в целом и в системе социального контроля в особенности существует явный запрос на создание и внедрение эффективных механизмов социальной регуляции: антикоррупционных и правоохранительных, профилактических и коррекционных, финансовых и правовых. При этом общая позиция практиков подчеркнута прагматичная и в обращении к потенциалу социальных наук звучит так: не надо нам пустой теории, дайте работающие технологии и механизмы.

Совершенно ясно также, что в сложившихся социокультурных условиях *никакие* механизмы и технологии не будут работать эффективно. Это можно проиллюстрировать на примере самого известного и очень грамотно и последовательно внедрённого в социальную практику антикоррупционного механизма — ЕГЭ. Основной аргумент в пользу ЕГЭ — высокий уровень коррупции при поступлении в вузы. В результате что ни год, мы наблюдаем череду коррупционных скандалов вокруг ЕГЭ. Это вполне закономерно.

Другой пример: во многих регионах России введён «детский комендантский час» — запрет на нахождение несовершеннолетних вне дома без сопровождения взрослых после 22.00 (инициатором был Краснодарский край). Этот закон может загнать детей домой. Но может ли он заставить родителей любить детей и заниматься ими?

Кризис социальных регуляторов

Внедряемые сегодня правовые или экономические механизмы не будут эффективно работать в силу глубочайшего социокультурного кризиса, суть которого может быть выражена с помощью следующей базовой метафоры.

Представим общество в виде бочки, внутри которой налита вода человеческих страстей, потребностей и желаний. Стенки бочки — это базовые социальные регуляторы: мораль, религия, семья, традиция и культура вообще (в первую очередь массовые виды искусства). Эти стенки скреплены железными обручами права и экономики. Когда стенки бочки по какой-то причине сгнили, то сколько бы ни надевать сверху обручей — правовых механизмов — бочка всё равно будет протекать: страсти и желания вырвутся наружу. Что мы и наблюдаем последние 20 лет.

Такое состояние общества может быть концептуализировано как кризис идеального⁸. Теорию анализа такого состояния социума с позиций моральной философии глубоко разработал А. Маккинтайр⁹. Коротко коснёмся основных идей этого анализа.

Существование общества требует включения отдельных индивидов в разнообразные социально значимые виды деятельности — *социальные практики*: добывание пищи и других ресурсов, управление, оборону от внешних врагов, накопление и передача знаний. Все социальные учреждения и институты с необходимостью опираются на те или иные практики (науки, образования, архитектуры, медицины, управления). Чтобы эта социально значимая деятельность стала возможной, необходимо навязать (привить, передать) отдельным индивидам некие общие стандарты или принципы поведения. Важно, чтобы люди могли доверять друг другу, знать, чего ожидать друг от друга, иными словами, необходимы *правила игры*.

Люди, участвующие в практиках, руководствуются двумя видами мотивов: внутренними (идеальными) и внешними (эгоистическими). К внутренним относится специфическое удовольствие, получаемое посредством участия в практике

(то, что выражается словами «долг», «призвание», «любимое дело», т.е. мотивы социального служения и любви), к внешним — блага, которые можно получить любым другим способом: деньги, власть, чувственные удовольствия.

Индивиды, участвующие в практике, *должны обладать идеальной мотивацией* (стремиться к внутренним благам). Стремление исключительно к внешним благам (деньги, власть, удовольствия) разрушают практики. Когда же критическая масса носителей идеальной мотивации падает ниже какого-то уровня (этот уровень трудно локализуем, но он есть), начинаются разнообразные дисфункции социальных институтов (нарушения правил игры), перерастающие в их коллапс и далее — системный социальный распад, на пороге которого находится сегодня российское общество. Системный социальный распад — это масштабное разрушение ключевых социальных практик — права, здравоохранения, управления, обеспечения безопасности. Начальная стадия этого процесса разворачивается на наших глазах последние 20 лет с различной интенсивностью.

В подобной ситуации в первую очередь страдают такие институты, как семья, школа и право. Наиболее заметным результатом этого кризиса становится сбой социализирующей функции этих институтов, продуцирующий комплекс специфических рисков — рисков взросления. Попробуем коротко описать эти риски.

Риски взросления

Нормальное взросление есть постепенное возрастание свободы (автономности) и ответственности в поступках и поведении ребёнка. Это возрастание личности возможно лишь при участии значимых взрослых, находящихся с ребёнком в иерархических отношениях любви и заботы (взрослый) и послушания (ребёнок)¹⁰. Одна из главных задач взрослого — сформировать ценностную позицию, преодолевающую индивидуальный эгоизм, иначе не может быть ответственности как условия социальной зрелости и той идеальной мотивации, которая необходима для поддержания практик. Своеобразным и значимым «помощником» взрослых традиционно выступало массовое искусство, в первую очередь, литература и кинематограф, транслирующие идеальные ценности и примеры для подражания.

Риски взросления — результат нарушения детско-взрослых отношений, основанных на любви и иерархии, и эрозии идеального начала в культуре. На наш взгляд, в современном российском обществе эти процессы связаны с экспансией массовой потребительской культуры, несущей ценности индивидуализированного гедонизма и нравственной эмансипации¹¹. Сущность этих рисков — в невозможности достижения настоящих свободы и/или ответственности в поведении ребёнка и эгоистической деформации его нравственной позиции. Результатом становится увеличение числа носителей «внешней» мотивации в социальных практиках, что ещё больше углубляет их кризис и продуцирует ещё большие риски, круг замыкается.

Риски, связанные с семьёй. Кризис семьи — избитая тема, но наиболее тревожные его формы наименее обсуждаемы. Это прежде всего потребительская деформация так называемой нормальной семьи. Семьи, где есть мать и отец, где нет явной асоциальности (что не означает отсутствия скрытой), где о ребёнке заботятся. Но забота эта сводится к материальной стороне жизни (одежда, игрушки, учёба),

¹⁰ Остапенко А.А. Взросление подростков: нарушения и их преодоление // Народное образование. 2012. № 5. С. 207–214.

¹¹ Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру / Джон Де Граф. Дэвид Ванн, Томас Х. Нэйлор; Пер. с англ. Н. Макарова. М.: Ультра. Культура, 2003.

¹² Солдатова Г.В. Дети в информационном обществе <http://detionline.com/journal/authors/articles/soldatova>

¹³ Хагуров Т.А. Консьюмеризация образования: обучающие и воспитательные дисфункции современной школы в контексте распространения потребительской культуры // Народное образование № 9, 2006. С. 239–245; Хагуров Т.А. Высшее образование: между служением и услугой // Высшее образование в России, 2011, № 4.

при этом детско-родительская близость разрушена потребительскими практиками: папа в своём Интернете, ребёнок в своём, мама смотрит телевизор. Реальное время общения членов семьи сокращается до минимума, большую же его часть они, физически находясь рядом, пребывают каждый в своём информационном пространстве. Фактически это ситуация виртуального исчезновения значимых взрослых в семье.

Следствием первой группы рисков становится **рост детско-подросткового одиночества**, что в свою очередь становится мощным рискогенным фактором. Риски одиночества — это, во-первых, высокий уровень подросткового суицида, во-вторых, растущая зависимость от социальных сетей. Это пока мало изученный феномен, но уже очевидно, что детский социальный Интернет стал небезопасной территорией, заимствующей и часто гипертрофирующей традиционные проблемы подростковых компаний: травлю аутсайдеров, агрессию, распущенность и пр.¹²

Риски, связанные со школой. Превращение образования из сферы воспитания «разумного, доброго, вечного» в сферу услуг имеет фатальные последствия как для собственно образования, так и для воспитания¹³. Вслед за родителями учителя перестают быть значимыми взрослыми, превращаясь в «поставщиков образовательных услуг», что означает разрушение подлинно продуктивных, основанных на любви и иерархии детско-учительских отношений. Результатом становится катастрофическое снижение внутренне мотивированного отношения к знаниям — любознательности и любви к предмету. Их заменяет потребительский запрос на *useful knowledge* — полезные знания. Как следствие — растущий прагматизм участников социально значимых практик. Кроме того, школа фактически лишается возможности выступить в роли социального компенсатора семейных дисфункций, с чем хотя бы отчасти она справлялась в советское время.

Самая большая группа рисков связана с **нормативной инверсией массового искусства**, являющейся следствием разрушения идеального начала в культуре. Массовое искусство традиционно выступало одним из значимых агентов социализации, транслятором идеальных ценностей. Примерно с 1960-х гг. проявилась и всё более утверждается опасная тенденция заигрывания с «принципом удовольствия» массового зрителя и читателя — стремление предложить ему новые и «щекочущие» зрелища и сюжеты. Один из таких завлекающих приёмов — переворачивание ценностей с ног на голову, рокировка «плохих парней» с «хорошими». Традиционный герой — обаятельный защитник социально значимых ценностей уступает место новому герою — симпатичному негодяю, который и становится образцом для подражания сегодняшних тинейджеров.

Что делать?

Один из ответов может быть таким: вспомнить об исторической миссии интеллигенции. Историческая и социальная миссия творческой интеллигенции проста и величественна. Она состоит в воспроизводстве смыслов. Общество ведь нуждается в двух видах пищи — материальной и духовной. И если задача класса менеджеров и предпринимателей в том, чтобы воспроизводить пищу материальную, задача «силовиков» — в обеспечении физической безопасности, то задача интеллигенции — воспроизводство пищи духовной и обеспечение безопасности духовной. На практике это означает нахождение правильных символов, в том числе, слов, картин, звуков музыки для выражения правильных идей.

Возникает вопрос: разве можно делить идеи на правильные и неправильные? Можно! Правильные идеи в любом обществе — это те, которые выражают, с одной стороны, общечеловеческие смыслы (милосердие, правда, долг, верность и др.), а с другой — отражают специфические смыслы конкретной культуры. Такие идеи прекрасны и необходимы обществу: богатство и разнообразие национальных культур в них объединяется общечеловеческим содержанием ключевых ценностей.

И универсальные, и национально-культурные смыслы выражаются с помощью различных символов и языков (литературы, музыки, живописи и т.д.). Так творятся великие произведения культуры, воспламеняющие сердца и вдохновляющие умы современников и потомков. Но любые символы неизбежно стареют: слова, музыка и картины становятся привычными, приедаются, перестают будить ум и сердце, и тогда смыслы уходят. Таково свойство человека — привычка лишает даже великие символы их силы. И тогда возникает соблазн сомнения — истина становится туманной, неоднозначной, и всё большее людей всерьёз повторяют вопрос Пилата: «Что есть истина?».

В такие моменты на исторической сцене культуры всегда появляется множество авантюристов, провозглашающих «смерть старого мира», отрицающих вечные ценности и соблазняющих общество сломанными табу. XX век дал тому множество примеров — от лозунга русского футуризма: «Сбросим Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности» до лозунга американской контркультуры: «секс, наркотики и рок-н-ролл». В такие моменты и проявляется великая историческая миссия интеллигенции — найти новые символы для вечных смыслов, вернуть культуру в лоно общечеловеческих и национальных ценностей, донести до людей правду на понятном им языке. Если не удаётся подобное совмещение общечеловеческого и национального, то народ (нация, культура) погибает.

И здесь на первый план выходит не наука с её рациональным дискурсом, а искусство с его способностью обращаться к разуму через сердце. «Воспитание добродетели» — вот ключевая задача социально ориентированного искусства. Вспомним опыт СССР: 1920–1950-е годы — это расцвет жанра плаката, наглядной агитации, специфической детской литературы («Честное слово» А. Пантелеева или «Что такое хорошо» В. Маяковского). Позитивные образы вызывают потребность в приобщении, желание следовать за ними, быть похожими.

Вот, пожалуй, главная задача сегодня — вызвать эту потребность в приобщении позитивным образам. Как создать эти привлекательные для молодёжи образы? Здесь и заключается собственно творческая часть работы. Художникам и писателям 1930-х это удавалось с учётом культуры и психологии их аудитории.

Сегодня психология и культура сильно изменились, но есть надежда, что глубинные архетипы нашей культуры, имеющей православные религиозные корни, все ещё живы. Ключевое в этих архетипах — поиск смысла и милосердия. То, что лежит в основании великой русской классической литературы. Но сегодня, к сожалению, для большинства молодёжи язык культурной классики — мёртвый язык. Как оживить его, как сделать живыми и привлекательными настоящие ценности и добродетели — вот тот вызов, на который должны ответить российская интеллигенция вообще и социально ориентированное искусство в частности. Ибо если ответа не будет, нам предстоит в самом ближайшем будущем окончательно переселиться в постчеловеческую реальность постмодерна. А это по-настоящему страшно.

